

ПОМЕХИ

ВЛАДИМИР ПСАРЕВ

СБОРНИК ПРОЗЫ

18+

Владимир Евгеньевич Псарев

Помехи (сборник прозы)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63577647

SelfPub; 2021

Аннотация

Помехи – лишь возможность стать лучше. Этот сборник не был запланирован. Многие произведения, вошедшие в него, написаны в процессе работы над другой книгой – "Женщиной мира". Но именно он вышел быстрее и стал детищем, которым я горжусь. Во многом "Помехи" – это очень личное. Здесь нет того, чего не произошло в реальной жизни.

Содержание

«Я – боль, или Посвящение тем, кем жив»	5
«Три ночи в Стамбуле»	25
«В земле Российской Просиявший»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Владимир Псарев

Помехи (сборник прозы)

Это необычное посвящение из двух частей. Первая его часть вынесена из лейтмотива самого главного рассказа этого сборника, с которого он и начинается. Книга адресована Сонии Рафаиловне Ахматчиной (19.11.1998), чувства к которой вот уже седьмой год подобны пуле под сердцем, которую опаснее вынимать, чем оставить на месте. Они как напоминание, что я все еще тот, кем всегда хотел остаться. Вторая часть обращена к памяти Лилии Николаевны Мирошниченко (11.07.1998-23.02.2020). "Я падала так часто, что научилась падать красиво", – говорила она. Спасибо за все. Помехи – лишь возможность стать лучше. Просто наберите номера своих близких.

«Я – боль, или Посвящение тем, кем жив»

Спрячь сына моего, любимая женщина. Закрой меня, мой друг. В этом рассказе только правда. Можете считать это моей исповедью. Моими "Историями из легкой и мгновенной жизни", только в десять раз короче. Совсем скоро – через какие-то пару десятков лет – описанные здесь девушки станут серьезными любящими матерями, парни – отцами и главами семейств, выпивающими по пятницам, и воскрешающими по воскресеньям. Дай Бог никому не истлеть на кухне, не рассыпаться именами и пронести через эпоху то, что им дали родители и, быть может, такие, как я, годы тому назад. На этих страницах я не прошу спасти меня от самого себя. Я просто рассказываю о том, что для меня важно, и о том, о чем вслух страшно признаться многим. Прошу прощения у тех, о ком рассказал здесь, и, по совместительству, тех, кому это посвящаю. У всех. И говорю им спасибо.

"Не проснись".

Маленький провинциальный город. Здесь, так кажется, все друг друга прекрасно знают. Может быть, так и есть. Я думаю, что человеческая память способна вместить десяток

тысяч имен. Моя, в любом случае, уже хранит.

Лето здесь – воистину самое прекрасное время, если отбросить то, что во время дождя от грязи невозможно отмыть никакие кроссовки. Спасают автомобили. Хотя, признаться, их тоже нужно иногда мыть. И здесь – лучше всего самому.

Мое детство было счастливым. Мне нет никакого смысла лукавить о том, что я где-то страдал и пробивался. Да, местами, если анализировать сейчас, такие моменты были, но в те года абсолютно так не воспринимались. С ранних лет я имел какую-то неистовую тягу к обучению. Не знаю, с чем это связано. Быть может, бабушка, ныне покойная, слишком много внимания уделяла моему домашнему образованию. Свою дочь – мою мать – она родила в тридцать семь лет. Строила карьеру. Построила. Но материнства в полной мере не вкусила, пока не вышла на пенсию и не занялась моим воспитанием. Валентина Даниловна Шашкова. Мне запомнилось все. Наши детские (для меня) игры, чтение книг вслух, рассказы о Ленинграде, в котором она когда-то жила и работала. Вкус к знаниям дала мне именно она. Мама, сама не отрицая этого, не могла мне внушить никаких наук, кроме науки любви. Любви чистой и беззаветной. Любви к своему ребенку в той степени, которая разрушает, разрывая данное малышу чистое полотно мироздания. На разорванном невозможно рисовать свое. Но моя бабушка, пока могла, эту белую скатерть подшивала. Подшивала старательно, и именно в тех местах, где хотела каснуться моя кисть. Нет, это не значит, что я не

люблю и не уважаю свою мать. Это лишь заметка о том, к чему я пришел к двадцати двум годам, а она к сорока пяти.

Бабушка умерла, когда мне было семнадцать. Я вернулся из Екатеринбурга со сборов и увидел в подъезде деревянный крест с ее инициалами. Мне ничего не сказали. Совершенно. Не хотели беспокоить. Еще один пример трогательной, но разрушающей заботы. Помню, как я, почти невыездной, восхищался красотами города-миллионника, фотографировал еще не снесенную телевышку, уродовавшую, по мнению местных, весь облик Екатеринбурга, а тут раз – и пожалуйста. Плакал, но скромно. Не так, как плакал на похоронах дедушки десятком годов раньше. Теперь я понимал всю необратимость времени, и это меня сдерживало.

Мама родила меня в двадцать четыре года. Родила от женатого мужчины, которому верила. У меня есть сводный старший брат – Эдуард, и сводная сестра – Валерия (младшая). От этой же женщины. Моя мама верила, и осталась со мной на руках. Их не опустила только благодаря бабушке, видевшей войну, оттепель, застой, перестройку. Рушились судьбы, сменялись генсеки, а она стояла – как соборы любимого ей Петербурга, в пору ее становления – Ленинграда. Запомнились ее истории о том, как она гуляла по колоннадам Казанского собора, в те годы – музея атеизма. Или загорала на пляже перед Петропавловской крепостью. Золотые шестидесятые. Все когда-то бывают молоды. А потом умирают. Внезапно. Через пятьдесят лет.

Когда я родился, было страшное безденежье. Умопомрачительное по своим масштабам. Мама радовалась даже купленным карамелькам и селедке на развес. Когда случился дефолт, моей маме исполнилось двадцать четыре. В этот же день. Она была на восьмом месяце беременности. Бабушке и маме хотелось меня запечатлеть, и на фотоаппарат пришлось копить.

Я не помню первых лет своей жизни, как и почти все люди на этой планете. Что-то лишь по рассказам. Например то, что я выпил бокал шампанского на Новый, две тысячи первый год, и не мог перешагнуть через низкий порожек, отделявший гостиную от коридора. Мама в тот год вышла замуж за мужчину, который стал мне отцом. Как писал Карамзин, "не трудно стать отцом, трудно им остаться". До школы я называл его просто дядя Сережа, а потом вдруг – папой. Что-то подтолкнуло.

Родного отца я видел пять раз в жизни, и первые разы почти не помню. А дядя Сережа, как я понимаю теперь, имея жизненный опыт, действительно любил мою маму. И принял ее со мной на руках. Любил так, как буду любить потом я других, но об этом – чуть позже. Он рассказывал мне разные истории, а мама читала сказки перед сном, когда он уходил в ночную смену на завод. Его фамилию я так и не получил. Остался при своей – кровной. Сейчас я об этом не жалею, но были моменты, когда меня это по-детски обижало. Разум растет, ширя скорбь, но и объясняет поступки других людей.

В том числе и родных. Этот момент я объяснять не буду, но, быть может, о чем-то задумаетесь вы.

В школе мне исправно ставили хорошие оценки и убеждали, что я – особенный. Потом я вырос и понял – лукавят. Во-первых, оценки ничего не значат. Критика не рубит топором. Похвала не подает билет в рай. Все в нашей голове. Во-вторых, это не сыграло никакой материальной роли. Меня размотало так, что даже не помню, где лежит золотая медаль. Анодированная железка, за которую я отдал огромный пласт жизни, а мог любить и образовываться в тех направлениях, в которых действительно хотел. Но кое-что я все-таки успел.

Был у меня в детстве, да и сейчас есть, хоть нас жизнь и развела по сторонам, друг. Я четыре года жил, учился и работал в Новосибирске (город моего рождения по паспорту – Курган), а теперь там учится он – в ординатуре. Теперь совсем серьезный. Вячеслав, Слава, Геннадьич. Мы вместе играли в одном дворе, пропадали допоздна, пока нас искали родители, в гараже его отца, слушая записи Цоя. "Кончится лето", "Пачка сигарет". Все наши общие летá давно кончились, зато пачки сигарет – начались. Молодость. Теперь он врач, а я пока – маргинал, в самом институционализированном смысле этого слова.

Мы часто дрались, побеждая друг друга с переменным успехом, но всегда мирились. Что-то нас сближало, и сближает до сих пор, хотя, признаться, познакомься мы с ним всего пару лет назад – друзьями мы бы не стали. Разные. И

его путь ко мне – как путь кометы Галлеи. Слава – прости, но это правда.

Мы редко встречаемся, зато крепко. Я дружу с его семьей и являюсь крестным отцом его младшей сестры – Анечки. Эту роль я играю никудышно – редко интересуюсь, не всегда поздравляю. Может быть, уверен в семье, но если бы так случилось – удочерил бы. И это тоже правда. В Ане я вижу потенциал и что-то духовно мне близкое. Аня, если прочитаешь это через десять лет – позвони.

"Мудрость".

Женщину невозможно придумать. Все философы, поэты и писатели брали образы с реальных дам. Дам, которых считали достойными, сильными. Признаться, есть в моей жизни девушка, с которой я взял больше всего образов.

Мне было пятнадцать. Я закончил девятый класс, и это событие мы шумно отмечали в Центре Культуры. Я тогда перешел из другой школы, и последний класс средней школы провел в новом коллективе, подарившем мне несколько важных знакомств. Но о них – позже, зато точно – обещаю.

Рядом со мной в какой-то момент села светловолосая девушка в бирюзовом платье. Наполовину татарка, чей дедушка работал вместе с моим. Они дружили. Да, город у нас тесный. Села, завела разговор. Прости, Соня, я не помню, о чем. И попросила одноклассника нас сфотографировать. Потом

это фото я распечатывал, а через год сжег в поры какой-то смешной сейчас обиды. Жаль – хорошее было фото. И спросить теперь не у кого.

Мы все лето общались по переписке, хотя могли и встретиться. У Сони был кнопочный телефон, и она дольше меня набирала сообщения, но я, затаив дыхание, покорно ждал ответа. Теперь я так не умею – ускорился. Жалко.

Вспоминается мне, как мы впервые прогулялись, и тоже сфотографировались. Это фото у нас осталось. У обоих. Я провожал Соню до дома, хоть она и жила очень далеко. Путь обратно порой занимал целый час, но тогда для меня это было не расстояние. Я был счастлив. Кроссовки в пыли, голенистопопы ноют. Гуляли просто так, а однажды даже выступали вместе перед детьми – читали наставления по пожарной безопасности.

Помню, как ходили и выбирали с Соней ей футболку и юбку. Футболка была белая и с блестящей бабочкой на спине. Сначала она надела ее задом наперед, но я все равно сказал, что это красиво. Машинально. Я не думал. А юбка была синей и с цветами. Этот комплект Соня потом часто носила, и даже после того, как мы перестали общаться. Это грело меня.

Перед тем, как погулять в первый раз, Соня с отцом привезли нам мед. Двести рублей за литр. Соня робко стояла на пороге, скрестив руки, и согласилась на первую прогулку. Три дня я не мог прийти в себя. Что вы! Видели бы вы Соню!

А мне всего пятнадцать!

Я бывал у Ахматчиных (именно такую фамилию носит Соня), и держал на руках ее младшую сестру Лину. Старшая ее сестра – Даша – тоже светлая. Они с Соней пошли в мать – Светлану Викторовну. А Лина – в отца. Темноглазая, темно-волосая, с характером. Теперь совсем большая. Помню, как в гостях ел малину, но, как мне казалось, очень неуклюже – что-то все время падало. Общались с мамой. А потом Соня мне призналась, что я был единственным, кого отец сразу принял к себе в дом.

Вспоминается мне, как помогал Соне с математикой. Ходил к ней домой, и даже прогуливал уроки, за что, примерный отличник, получал выволочки на ковре у директора. Терпел боль, когда она начала встречаться с другим – тезкой моего отчима. А потом еще с одним, с которым в отношениях до сих пор.

Мы долгое время не общались – я уехал в Новосибирск, зажил своей жизнью. Избавлял себя от боли. Встречался с другой одноклассницей. Жил с ней. Но Соню помнил. Помнил, как смотрел на Лину и представлял себе, что такой же может быть наша с ней общая дочь. Когда-то. Лет через десять.

После мы виделись с Соней всего пару раз, когда я приезжал домой, и каждое наше расставание было для меня очень болезненным. Помню, как катил в Новосибирск в поезде и считал минуты. Поскорее бы поезд прибыл – не могу ле-

жать наедине с собой. Образ перед глазами, и наша общая дочь. Или сын. Неважно. От любимой девушки все дети любимые – мальчики, девочки, здоровые, с недугами, умные и не очень. Они – свои. Они – не только твоя кровь, но общая. Сила, которую тебе не победить.

В ноябре семнадцатого года мы увиделись в предпоследний раз. Помню, как обнял, и отдал сверток – "Это тебе на день рождения". Затем – только переписка. Редкая, раз в полгода. А буквально месяц назад мы сидели в Челябинске, где Соня сейчас живет, в ресторане в самом центре города, и разговаривали. Мы не виделись три года. Я смотрел на нее – повзрослела, черты лица стали острее, и больше стало от отца. Но в остальном – ничего не изменилось. Вообще ничего. Характер, манеры, смех. Прошло ровно шесть лет. Человек остался человеком. Остался чем-то в правом предсердии. Что-то застряло, и останется навсегда, как пуля под сердцем, которую опаснее вынимать, чем оставить внутри. Нет, вынимать нельзя.

Забыл сказать, что имя *Сония* с арабского переводится как "*мудрость*". Что-то в этом есть. Соня точна во многих формулировках, и проста относительно десятков людей, которых я встречал за последние пять лет. Но в этом и есть сила больших – быть простым, но быть человеком. Быть пулей в правом предсердии у самых близких, не прибегая к манипуляциям и соблазнам. Сония – моя первая муза, которой были посвящены мои первые серьезные стихи.

"Без имени дарителя".

Есть у меня очень важный во всех смыслах друг детства, которого знают все другие мои друзья – лично или опосредованно. Евгений Клюев. Мы росли по соседству, как и со Славой, но потом он переехал с мамой в Нефтеюганск. Туда же, где к тому времени жил и мой родной отец. К слову сказать, мама Жени и сестра моего отца – хорошие подруги до сих пор, а его бабушка работала секретарем у моей. Ирония судьбы, или приходите в гости. Я, кстати, приходил.

С Женей мы общались долгое время по переписке, виделись лишь раз в пару лет, когда он приезжал в наш городок, откуда я был невыездным. Женя единственный мой старый друг до сих пор, с кем я ни разу всерьез не дрался. Причины были, а желания нет. Так бывает.

Именно Женя познакомил меня годы спустя с Петербургом. Он тогда только вернулся из армии, и устраивался, как мог. Весной восемнадцатого года я впервые прилетел в город, который знал лишь по воспоминаниям своей бабушки. Парголовская насыпь приютила нас. Я влюбился в холодные сквозняки, пробирающие насквозь. Влюбился в графитовое небо. Влюбился в дворы-колодцы коммунальных домов Петроградской стороны. В каждой этой любви – Женя. Потом я приезжал в гости еще не один раз, но первый опыт – всегда самый пронзительный в любых отношениях. С городом,

с другом, с женщиной.

В Петербурге Женя познакомил меня со своей девушкой – Марией Коробковой, которая в будущем стала автором нескольких обложек для моих произведений, не все из которых еще опубликованы. Женя долгое время испытывал определенные сложности во взаимоотношениях с противоположным полом, что сильно его тяготило. Да, Женя, может быть, ты в этом не признаешься, но я все чувствовал. Твой союз с Машей – первый настоящий и крепкий в твоей жизни. Я всегда переживал за ваши отношения, бывало – мирил вас. И если и вставал на сторону кого-то из вас, чем, вероятно, сильно обижал второго, то лишь потому, что вы оба мне дороги. Поэтому я выбирал правду.

Женя познакомил меня с Денисом Ильчиняком. Это мой брат и наставник прямо сейчас. Мое плечо. Физически. Он здесь. Он рядом. Мы встретили с ним мое двадцатилетие в Тюмени. Мы встретили с ним мое двадцатидвухлетие в Петербурге.

Жизнь за три года сделала огромный круг, вернув меня в самое начало. Сейчас я проживаю в центре Петербурга – на Первой линии Васильевского острова. Но это – лишь благодаря вам. Это не материальная благодарность, а благодарность сугубо духовная, которая бывает значимее любых осязаемых вещей. Женя подарил мне много новых друзей и знакомых, произвольно задал вектор движения. Надеюсь, и я чему-то его научил.

"Эйфория".

Летом восемнадцатого года судьба сблизила меня с человеком, которого я считаю родным в самом чистом понимании этого слова, несмотря на любые разногласия. Анастасия Сикорская. Сейчас ты носишь уже другую фамилию и живешь в десятке тысяч километров от меня, но ты – моя сестра.

Пятого мая Настя позвонила мне в тот момент, когда я поднимался по трапу самолета, который должен был увезти меня из Петербурга обратно в столицу Сибири. Наверное в наш век текстовых сообщений неожиданные звонки – редкость. И этот звонок до сих пор самый непредсказуемый.

Мы учились с Настей в одном классе, но никогда очень близко не общались, не проводили вместе время. До лета восемнадцатого года. Я помню все наши поездки по родному району – трассы, деревни. Я помню нашу поездку в Омск. Накануне я опоздал на поезд, на котором Настя уезжала из Новосибирска, где провожала в родной теперь Хабаровск будущего мужа. Не успел из-за страшных пробок по случаю Дня города. Но уже на следующий день, сразу после экзамена, я за две минуты собрал сумку и уехал. Четыре дня в Омске, как мне теперь видится, связали нас. Потом мы встречались и в Тюмени, и в Хабаровске. Настя приезжала в Новосибирск, и мы провожали ее в аэропорту с теперь уже быв-

шей женой на Дальний Восток. Да, я был женат. Настя именно тот человек, который близко застал начало наших отношений и их конец. И не просто застал, а пережил. Я помню все эмоции, многочасовые телефонные разговоры.

Настя непосредственно подтолкнула меня к написанию моей первой книги – "Женщины мира". Я заканчиваю ее. Столько лет спустя. Настя попала на ее обложку вместе со своей университетской подругой – Анной Беловой, с которой я бы никогда не познакомился, не будь неожиданного звонка пятого мая восемнадцатого года, который я принял, поднимаясь по трапу. А между тем Ане я тоже многим обязан. Не материально – духовно.

Благодаря Насте мы, как мне кажется, стали ближе общаться с другой нашей общей одноклассницей – Анастасией Безменовой. С человеком, который на моих глазах эволюционировал и стал по-настоящему открытым и стремящимся к саморазвитию. Между нами было много, и я, говоря откровенно, не всегда красиво себя вел, но я поражаюсь, насколько стойко Настя переносила все эти моменты.

Три выше перечисленные девушки стали одновременно и лицами главных героинь "Женщины мира", а Анастасия Безменова – еще и повести "Сорок Шесть". Спасибо вам. ANN.

"Надежда".

В апреле семнадцатого года, после расставания с девуш-

кой, с которой я приехал в Новосибирск жить и учиться, я близко сошелся со своей одноклассницей – Дарьей Терской. Мы пережили с ней два этапа тесного общения – в две тысячи семнадцатом и в этом году.

Странно знакомиться с человеком, с которым полгода сидел за соседними партами, но это произошло. Я был слишком занят социализацией – мальчик с синдромом отличника – и текущими на тот момент отношениями. Ездил по два часа из центра города в Академ, и многое, может быть, потерял, не разделив с остальными, в том числе и Дашей, общажный быт. Но ее я заметил сразу, просто не до того было – общаться. Сейчас я оправдываюсь так, хотя это не имеет никакого смысла.

Совпали мы практически моментально. Даша переживала непростой период в своей жизни – расставания, предательства, недоверие. Говорит, я помог ей выйти из депрессии, и увидел в ней человека. Просто человека – так банально. Я помню наши прогулки с мороженым по вечерам. Уже стемнело, и мы ходили под соснами. Воздух чист, я почти в беспомощности. В тот момент действительно хотелось перечеркнуть все, что было до. Я еще не знал, что так нельзя.

Мы вместе проходили практику в Академгородке, когда девяносто процентов наших одноклассников уехали на Алтай в экспедиции. Не буду говорить, чем мы там занимались, дабы не дискредитировать нашу альма-матер. Я мог уехать в горы, но остался в городе, чтобы быть рядом.

Осень семнадцатого года подарила тяжелую депрессию уже мне. Ряд причин, и крушение надежд. Под откос пошло, казалось, все. Кто-то тогда умер, кто-то слетел с рельс. Второй курс исторического факультета Новосибирского государственного университета Даша не закончила – отчислилась после зимней сессии. И уехала домой – в Новокузнецк. А потом поступила в Москву, где ей нравится. Осталась с человеком, которого всегда любила – с восьмого класса школы.

В Новосибирске у Даши остались многие друзья, и она несколько раз гостила в городе, потом уезжая к родителям в соседний Новокузнецк. Я знаю эту трассу – от Гусинобродского шоссе, где сейчас построили новый автовокзал, через Ленинск-Кузнецкий, где родился и вырос Олег Тиньков. По правде сказать, я знаю все трассы, ведущие из Новосибирска или Кемерово. На Барнаул, в Томск, Омск и Тюмень. В Красноярск и Анжеро-Судженск.

С Дашей мы виделись в мае восемнадцатого года, когда я прилетел из Питера, а вот в январе девятнадцатого – не смогли. Мы с женой в Питер как раз улетели. Затем был январь и июль этого года. Лето. Станция метро Березовая роща. Макдональдс. Три часа ночи. Я, стоя на своих двоих, пытался достучаться до автомата по приему заказов в “Макавто” – основная касса уже не работала. Достучался. Мы просидели до пяти утра.

Сейчас, когда мы даже не общаемся, это вспоминается чем-то смешным. А тогда было интересно. У каждого своя

судьба. Для всего у каждого свое время и свой человек. Я уже не питал никакого личного интереса, но общаться или нет – только ее выбор. И я его принимаю. Жизнь научила меня принимать. Принимать хорошее и принимать злое в людях. Повторюсь, у каждого свое время и свои люди. Ее время в моей жизни безвозвратно прошло.

Были у меня в жизни и другие люди, которые подарили мне в свое время надежду на мир. Лилия Шаяхметова – родилась и выросла в Тюмени, но в Новосибирск приехала с одной целью. Ей была нужна сильная биологическая школа, которую мог предоставить наш университет. Мы просто общались, однажды ходили в кино. На острие моей депрессии в начале восемнадцатого года оказалась именно она. Не было никакой романтики – только любовь к миру. И именно за это я благодарен.

Лилия Миронова училась на год раньше меня. Она стала примером девушки, которая живет совершенно самостоятельно, ни от кого не зависит, и стремится стать лучше. Понимает, что мир не так прост, а жизнь длинная. Знает, что в этой жизни может хватить людей, которыми можно воспользоваться, но не делает этого. В определенном смысле она утвердила то, во что меня посвятила ее тезка. И за это тоже спасибо.

Александр Шаповалов – мой одноклассник, с которым мы не общались до второго курса вообще. Он был сначала старостой, потом партнером, затем просто другом. Он стал

тем человеком, которому я безраздельно доверяю. Таких людей у меня очень мало. Я хочу сказать спасибо за то, что поддерживал меня осознанно, говорил важные слова, и ни разу не обманул даже в самой малости. Всегда видел, когда мне плохо, а я последние годы редко об этом говорю. Саша – ты человек. Саша – ты мужчина.

Арина Родионова. Если честно, я никак не могу вспомнить, как мы познакомились. Быть может, на каком-то школьном мероприятии. Арина училась на два класса раньше, и иногда мы пересекались. Но начала нашего общения я совсем не помню. В любом случае, именно Арина дала абсурдный пример одновременного сочетания почти детской любви к миру, доброты, целеустремленности, твердости и рассудительности.

Надежда в определенные часы стоит очень дорого. Ей нет никакой цены для спасенного от надлома, какие иногда приводят к фатальным последствиям.

"Воскрешение".

Память остается, даже когда нас лишают всего остального. Разум нельзя отобрать. Люди воздвигают монументы, выбивают золотыми буквами имена на плитах, вешают почетные доски. Но настоящая память (приложи руку к сердцу) – здесь.

Хуже всего у меня всегда получалось проводить причин-

но-следственные связи, касающиеся моей жизни. Почему я принял то или иное решение? Почему остался рядом с тем или иным человеком? Может быть, стыдно. Может быть, страшно. Что-то инстинктивное заставляет быть аккуратным в оценках себя, иначе карточный домик самовосприятия может осыпаться.

В Новосибирск я увязался за одноклассницей, с которой начал встречаться назло Соне. После расставания, когда я остался в городе один, я увлекся Дашей. Преступно и без оглядки, чтобы забыть уже двух. А женился уже назло Даше, в которой, к великому для меня открытию, вдруг увидел личное продолжение Сони. В жене я не видел ничего уникального. Как и Соня, она татарка по отцу. Такая параллель. А значит, именно Соня разделила когда-то меня на до и после. Она стояла возле своего дома, но не знала, что будет дальше. Не знал и я.

Жена заполняла пустоту и обезбаливала ноющую под сердцем пулю. Это моя ошибка. Я ее признаю и в ней каюсь. Я заполнял и ее личную пустоту, но что скажет публично она – не знаю.

Все это – мои слабости, и ни в коем случае не слабости моих страстей. Свой путь я выбирал сам. Причины выбора – только моя вина. Но я научился. Научился понимать, что любовь – это общее будущее, а не больное прошлое. Научился ценить верность. Научился признавать ошибки. Научился болеть. Научился писать, когда уже выболело. Научился

отступать, когда нужно. Но я все помню, и, если не произносил открыто этого вслух, не забирал своих слов назад. Всем – огромное спасибо. Вы – мой дар. В самом светлом понимании этого слова. Это мое сердце Пармы.

Мать моя – настоящая женщина, пожертвовавшая своей молодостью ради человека, который раньше никогда ей знаком не был. Ради меня. Мой отчим – великий человек, принявший меня, как своего, и никогда не задававший лишних вопросов ни мне, ни моей маме. Все люди здесь – большие и значимые. Всех люблю и всех ненавижу. Это моя исповедь. Здесь каждое слово – на своем месте. Я просто человек. Но если я способен что-то изменить хоть для кого-то из близких – все не зря. Черт с ним с десятками городов за спиной и просыпающемся сквозь пальцы потоком денег. Главное – люди. Главное – любовь.

Однажды мне пришлось взлетать в сильный шторм, при ледяном дожде. Самолет бросало и раскачивало, но он все равно перенес меня на пять тысяч километров. Самолеты часто взлетают против ветра, но ни один из них от этого не упал, если не дал реверс, уже оторвавшись от земли.

Здесь нет слов о тех близких, кто показал себя, несмотря на добро, с негативной стороны. Это только их жизнь. Не моя. Поэтому о них нет ни слова. Поскольку я пообещал быть честным, я должен был сказать о них и плохое. Но не могу. А потому промолчу. Я этот абзац написал для кого-то из них, кто это прочитает когда-то.

Меня не надо любить. Я не деньги, я не Иешуа Христос, я не ваш ребенок. Я не обещал жать руки каждому в этом нервном мире. Я прошу лишь человеческого уважения. Если нельзя дать мне даже этого, то лучше промолчать. Я чуткий, и пойму, если мне наврали.

Я устал стряхивать пепел с сигарет. Пока что я закончил, а вы продолжайте.

«Три ночи в Стамбуле»

1.

Восточный колорит для русского человека. Солнце уже ушло за горизонт, но еще оставило на светлых песчаных стенах свои тени. Молодой человек в сером военном обмундировании курил у входа в небольшую забегаловку, где только что поужинал. В былые времена он посчитал бы ее негигиеничной, но сейчас, в эвакуации, это уже не имело смысла. Русский офицер – что осталось от этого слова? Осталось всего две папиросы. Где купить? Или у кого выпросить? На углу стояли солдаты с его судна. Лица серые настолько, что его одежда на их фоне сияла.

– Не найдётся закурить?

– Да найдется, у нас такого добра, – весело засмеялся один из них, совсем ещё молодой.

Протянул две папиросы.

– Благодарю. А не знаете, когда следующий пароход?

– Обещали с утра. Странно, что у нас это спрашиваете.

Вы постарше и намного благороднее нас.

– Да уже не до таких мелочей, – потупил офицер голову, снова закуривая.

– Ваши крепче, – заметил он.

– Турция!

– А где брали?

– Там дальше по улице есть кабак, – старший показывал пальцем. – Вот до того перекрестка, где сейчас пропылила автомашина, а потом налево. Там увидите. Идите в сторону Ай-Софии, или как её тут зовут. Шесть минаретов.

– Спасибо, братцы. Как же приятно слышать русскую речь в этом чужом мире. Везде одни турки.

Стемнело, разговор скомкался. Шел двадцатый год. Проклятая Советская власть выгнала, отторгла от себя все, что возможно, и кого не смогла убить – выгнала. В черни нет ничего плохого, кроме ее гордости, когда она прорывается наверх, не имея за душой ни гроша. Ты достиг! Ты смог! Сверг режим! А что дальше? Миллионы погибших и раненных, эвакуации, перестройки, голод. Зато ты смог! А что смог? Лет через семьдесят поймешь.

Если пароход приходит к утру, то, вероятно, до рассвета. На пароходе должна быть его невеста. В Крыму всех расталкивали по судам как могли, и он ее не уберег – потерял. Но она жива, просто приплывет позже. Все же спасибо туркам. У самих беспокойно – отголоски Великой войны повсюду, а ко всему прочему нищета, но она всех забрала себе. Интересно, где коротает эту ночь барон Врангель?

Узкие улочки Стамбула, пыль, женщины в неряшливых одеяниях, мужчины агрессивного вида и русские. Много рус-

ских. Ночь. Ноябрь. А словно бабье лето. Но ночь прохладна.

Прошел мимо кабака, на который указали ему солдатики. Решил заглянуть позже. Лишь погремел в кармане мелочью об портсигар. Папирос там три. А часов до парохода минимум пять. Каждый из них как маленькая жизнь – тянется, завывает в сознании. Неизвестность позади, неизвестность впереди, неизвестность сейчас. Сапоги в пыли чужого города на чужой земле. А дальше во Францию? Хоть куда, лишь бы пароход пришел, а там – его Даша. Но как о ней позаботиться там, где ничего нет? Главное – жизнь, наверное.

Улица за улицей, мечеть за мечетью, вторая папироса за первой, и часы незаметно переползли за полночь. От второй порции табака затошнило. Остановился, прислонившись к стене дома.

Дома, дома, и везде одинаковые. Лишь минареты торчат с разных сторон, а на другой стороне Золотого Рога тоже дома, как на сопках Владивостока.

Слышно чьи-то пьяные крики. Грабят? Насилуют? Надо ждать пароход, а там... Одна и та же мысль вращалась в голове. Беспокойство и ком в горле. У него даже нет ее фотографии на случай, если навсегда исчезла. Нет, такого не может быть. Чертова папироса спутала мысли.

Сделав круг по кварталу вокруг Ай-Софии, офицер вернулся к тому же месту, откуда начал свой путь. Теперь здесь тихо и пусто. Час ночи. Побрел в сторону порта дожидаться там. Наверняка найдутся и молодые офицеры, а кто-то с та-

кой же бедой, и будет о чем поговорить. Да и кабаки там наверняка есть. Хотя есть ли там такие же папиросы? Последняя, что тряслась в портсигаре – солдатская, сладкая.

Ноги устали и еле несли тело под чужими звёздами. По дороге встретилось ещё несколько русских, явно подвыпивших. Сутки вольницы перед отправкой дальше дорого стоят. Кто выжил в мясорубке на Перекопе, тому жизнь – как птице.

Как же спутывается сознание от всей этой чуши, что творится в мире. Крупная брусчатка сменилась брусчаткой поменьше, а это значит, что Золотой Рог уже близко. Заглянул за угол – кабак. Написано что-то вязью – неважно. Зашел внутрь.

За столиками сидят такие же офицеры, только форма у них почище. Курят и пьют. Тоже нужно чем-то смочить горло. Кто-то узнал его в дальнем углу.

– Володя, – послышался знакомый голос, – айда к нам.

В дыму и полумраке он не мог разглядеть лиц за столиком, но уверенно пошел на звуки своего имени.

– Айда, айда, присаживайся напротив.

– Господи, это ты, Вань, – воскликнул Володя.

– Ну а кто еще?! Нашелся! Товарищи, вина плесните! Не откажешься?

– Не откажусь!

Чья-то рука с сигарой подтолкнула к нему стакан, а другая налила в него густую красную жидкость.

– Здесь такие виноградники! Пей!

Вино показалось крепким. Скорее, это портвейн, но так даже лучше.

– Нравится?

– Нравится!

– Отлично! А ты сам как сюда забрел? И почему грустный такой? Я все вижу, Володь!

– Пароход жду с невестой.

– С Дашей со своей?

– Точно, – Володя отхлебнул еще.

– Через пару часов придет, не беспокойся, – слышался голос справа. – А пока с нами подождешь.

– Всех успели вывезти, Володь, – сказал его знакомый.

– Да, Крым чуть не стал нашим могильником. Но знаете что? Все еще будет! Советской власти долго не простоять. Не смогли съесть ее мы, она сама себя съест рано или поздно. И Россия снова станет великой.

– Колчака жалко, – вздохнул Иван.

– Всех жалко. Но пластинку с начала не поставишь.

– Не успели мы с прошлой жизнью попрощаться, – улыбнулся Володя.

Володя – звучит так странно. Уже четвертый десяток разменял, а все еще все зовут Володей, как няня тридцать лет тому назад.

Иван был за столом за старшего, и по его указанию принесли еще вина и папирос:

– Главное ловить каждый час своей жизни, дружище! Главное – ловить! – констатировал он. – У Антона Ивановича вообще жена погибла, – похлопал он товарища по плечу. – Соболезную.

Голова мутнела с каждый глотком. Мучила мысль о том, как хмельному встречать любимую и как не потерять в толпе.

– Да мы все вместе пойдем туда. Я же ее видел! Найду! – подбадривал Иван.

Ночь тянулась и тянулась, словно она последняя и за нее нужно все успеть.

– Они просто остановились у тебя, – кто-то слева указал Володе на его часы. – Уже скоро. Заведи их пока. Сейчас половина четвертого. И еще минутка.

Пальцы не слушались и с трудом справились с механизмом. Захотелось в уборную.

– По очереди, – весело скомандовал Иван. – Ты после меня, Володь.

Голова кружилась в облаке дыма. Вдруг в толпе ему почудилась какая-то девушка, очень похожая на его Дашу. Она помахала кому-то рукой и устремила к выходу.

– Даша!

В ответ только хлопок двери. Володя резко выбегает из кабака, но понимает, что на улице совсем не ночь, а скорее вечер. Снова вечер. И часы снова остановились. Он озирается по сторонам, пытаясь понять, что произошло. Может он много выпил? Но воздух свеж и моментально его отрезвил.

2.

На солдатах, проходящих мимо, совсем другая форма. Но они тоже говорят по-русски. Район совершенно обветшал, и неизменными остались только минареты Ай-Софии.

– Что произошло? – Володя ловит за руку прохожего.

– Ты чего, дружище?

– Я где?

– Стамбул.

– А что на тебе надето?

– Ты чего, перепил? Вроде трезвый. На тебе такая же, советская!

Володя осматривает себя и с ужасом признает, что одеты они со случайным собеседником одинаково, а заодно замечает, что никакого кабака за его спиной нет – просто дом. Солдат уходит.

Володя присаживается на крыльцо и достает последнюю папиросу из портсигара, закуривает. Взгляд на брусчатку, по которой стучат каблуками офицеры. Что это за форма? Где Даша? Может он что-то перепутал? И почему снова закат? Солнце медленно упало за Ай-Софию.

– Дружище, папироски не найдется? – обращается прохожий.

– У самого последняя, – Володя переворачивает раскры-

тый портсигар и из него ничего не выпадает.

– А может рубль найдется?

– Да, найдется, – Володя шарит по карманам, но вынимает из них царские монеты.

Прохожий удивлённо переводит взгляд с монет на Володю, и резко уходит.

"Что не так?", – крутится в голове.

Нужно идти в порт. Но ведь еще даже не ночь? Осматривает дома. Они будто состарились и смотрятся ещё колоритнее.

И флаги везде другие. Но всё та же величественная Ай-София, видевшая за тысячу лет всё зло, которое копилось в мирной жизни, а потом выплескивалось на город, чьим сердцем она являлась. Разное зло, схожее лишь в своей абсурдности.

Володя встал, прошёлся туда и обратно вдоль фасада дома, пощёлкал крышкой портсигара.

Дорогу к заливу он помнил, но идти было рано. Однако там можно найти и кабак, и папиросы. Все лучше, чем коротать время, сидя на прогретом за день крыльце, но в совершенном одиночестве.

"Главное, не подавать виду, что не понимаешь, что происходит", – дал себе Володя установку.

Вскоре брусчатка закончилась, сменившись простым песчаником, размываемым в дождь, и наполняющим сапоги пылью в жару. Володя не поднимал голову – ноги сами вели его

к воде. Ему было неудобно смотреть в глаза людям. Провал. Большая чёрная дыра в пространстве сожрала и выплюнула его, даже не указав адресов. Но одно он помнил точно – утро, Даша, новая жизнь.

Портовая канцелярия представляла из себя двухэтажное здание грязного желтого цвета, расположенное у канала, прорытого для подхода малых судов из Золотого Рога. Перед ней небольшая площадь, на которой расположились уютные кабаки с совершенно неизвестными названиями. Казалось, что поменялась сама орфография турецкого языка. Володя его не знал, но сугубо визуально заметил разницу. Наугад зашёл в ближайший на углу, попросил у бармена папирос. Снова нашарил в кармане царские монеты и ужаснулся – расплачиваться нечем. Стал шарить по другим карманам формы и нашел неизвестную ему купюру.

– Эта подойдёт? – и Володя словил удивленный взгляд человека за стойкой.

– Конечно подойдет.

Бармен подал картонную пачку и купюру номиналом в два раза меньше. Что это за деньги? Советские? Здесь же, у стойки, Володя переложил папиросы из пачки в свой портсигар, пересчитал их пальцем и защёлкнул крышку. Кивнул бармену, ничего не увидев в ответ, и вышел на воздух. Закурил.

Сладкий дым опьянил так, будто Володя никогда и не курил. На небе столько звёзд. Сколько из них ещё живы? А что из них лишь свет? Смятый конец папиросы вращался в гру-

бых пыльных пальцах.

Прохожий отдал Володе честь. Что это? Теперь он заметил на своих плечах погоны, но совершенно иные. Кто я? Какой офицер? И почему раньше мне никто честь не отдавал? Володя черкнул окурком по краю стены, смял картонный мундштук. Остаток тлевшего табака обжег палец. Присел на крыльцо чьего-то дома, опустил голову. Даша. Единственная женщина, которую он любил в своей жизни. Та женщина, перед которой стыдно за неустроенность, за несправедливость, за всё вселенское зло. Та женщина, которую хочется спасти и дать все. Та женщина, которая стоит дороже всех регалий и мужской гордыни. Большое везение, что такая женщина ответила взаимностью. Отдалась не телом, а сознанием. Дала душевное тепло, и оттого еще тяжелее осознавать, что делит она с тобой не большой дом на Лазурном берегу, а путь забытого солдата проклятой войны. Но когда-нибудь всё наладится.

Володя окликнул другого прохожего. Тот тоже отдал ему честь.

– Скажи, товарищ, – слово подобралось само собой, – во сколько пароход из Крыма?

– Какой пароход?

– С эвакуацией. Из Крыма, – и тут до Володи дошло, что нить времени куда-то спуталась.

– Сейчас сюда заходят только военные суда из Сухуми и Поти. Крым оккупирован.

– Кем?

– Немцами.

Прохожий поймал на себе удивленный взгляд Володи и сделал ещё более удивленный.

– Спасибо, понятно.

На самом же деле, всё окончательно запуталось, перемешалось. Словно шкаф, в который годами складывали стопки файлов, подшивали папочки, сортировали все по датам и местам, а потом, в самый неподходящий момент, скажем, во время какой-то инспекции, уронили с грохотом на пол. Тоска сжала сердце ядовитым плющом, застряла в трахеи и мешала дышать полной грудью.

Володя встал, отряхнулся, медленно пересек площадь и постучал в дверь канцелярии. Не открыли. Постучал снова. Обошёл здание с другой стороны, и на этот раз его попытка проникнуть оказалась успешной.

Дверь открыл молодой человек. По-видимому это какой-то мелкий клерк, но одет он был очень опрятно. Увидев на пороге советского офицера, сразу впустил.

– А вы к кому, уважаемый? – спросил турок на ломаном русском.

– К начальству. По поводу кораблей из Потти.

– Одну минуту. Я вас провожу.

Винтовая лестница казалась длиннее, чем она могла бы быть в таком здании. Древесина скрипела под сапогами. Володя вел рукой по стене, пока поднимался, и оглядывался

назад, чем привлек внимание проводника.

– Все хорошо?

– Да, ведите.

На верхнем этаже всё пространство замыкалось в длинный коридор, который уходил в арку, ведущую на балкон. Клерк повел по мрачному коридору, освещаемому лишь небольшими электрическими лампами, влево. Володя отметил для себя, что больше людей здесь не было. Откуда им взяться? Ночь ведь. Но все же? А начальству положено дежурить? Может быть, вправду кого-то ждут? Не понимая ничего, Володя решил отчаянно подыграть, если случится такая возможность, используя всю замеченную за ночь, а может за две, информацию.

Наконец его привели к тяжелым воротам. Турок постучал. Из-за тяжелых древесных плит послышался невнятный говор. Володю впустили. За тяжелым дубовым столом сидел, поглаживая столешницу руками, усатый дядька. Он не был типичным турком, а скорее полукровкой. Возможно, потомком давних браков янычар с малороссами.

– Что привело вас ко мне? – почти на чистом русском языке спросил он.

Володя не знал, как представиться, поэтому решил обобщить.

– Офицер советской армии. Честь имею.

– Присаживайтесь.

– Благодарю.

– А вы случайно не дворянин? Не царской ещё армии? Однако нет, слишком молоды. Так чем же я вам обязан?

Турок все сильнее поражал Володю отсутствием характерного акцента.

– Вопрос личный. Меня интересует, придёт ли пароход сегодня утром из Крыма.

Удивлённый взгляд нового человека уже не удивлял.

– Какой же пароход? – протяжно завыл собеседник.

– Из Крыма, – спокойно повторил Володя.

– Вам ли не знать... А впрочем. Пароход всё-таки есть, но из Потти. Эвакуационный. Там, вероятно, будут беженцы и из Крыма, сначала бежавшие на Кубань, а затем на Кавказ. Вас это интересует?

Володя искренне не знал, что ответить, но кивнул.

– В шесть утра, – сухо ответил турок, – но это всё очень примерно, как вы понимаете.

– Буду ждать. Благодарю.

– Я хочу вас пригласить на балкон, как офицер офицера, – прищурился собеседник.

– Почему бы не скоротать время?

– Верно-верно.

Турок встал, оглядел стол и поманил рукой советского офицера. Володя последовал за ним. Начальник откинул тяжелые занавески, после чего пространство вокруг резко схлопнулось. Яркий свет ослепил. Казалось, он сейчас упадет. Равновесие удалось удержать, но после того, как глаза

снова начали ощущать окружающее пространство, наступил ужас – совершенно иной мир.

3.

Володя оказался на веранде какого-то дорогого ресторана. Под ним три этажа – не меньше. Над ним – звездное небо Стамбула. Под балконом тот же канал, а на горизонте минареты Ай-Софии. Все остальное – совершенно незнакомо. Проходивший мимо официант толкнул Володю плечом и чуть не уронил поднос. Что произошло? Почему все одеты в модную одежду, а в руках у людей какие-то дисплеи, да и свет везде электрический? Все вокруг такое романтическое, мирное, торжествующее. Вино. Много вина. Очень шумно. На Володе бежевые тонкие брюки и светлая свободная рубашка.

– Где я? – вслух воскликнул он.

Быстрыми шагами Володя обошел веранду. Его окликнул молодой мужчина в форме стюарда.

– Да-да?

– Вы заказывали столик? Вы Владимир, верно?

– Верно, – снова у турка почти нет акцента.

– Вон тот, – смуглый палец указал в дальний угол. – Вас будет двое?

Володя машинально кивнул.

– Присаживайтесь.

Ноги ватные и неприятное ощущение тоски от потерянности. Кто второй? Даша? А пароход? Господи, помоги.

Стул неприятно скрипнул под сиденьем. Володя коротал время, озираясь по сторонам. Интересно наблюдать за новой действительностью, но теперь еще и страшно. Какая будет следующей? И какой сейчас год? Спрашивать такое даже у официанта стыдно – сочтут за умалишённого. С другой стороны: какая теперь разница? Володя позвал турка в белой рубашке и красном жилете. Тот нисколько не удивился, а дежурно ответил:

– Две тысячи пятнадцатый.

Ничего не понял. Хлопнул по карману – портсигар на месте, но совершенно нет денег – только какая-то карточка. За чем она?

– Здесь можно курить?

– Да, конечно.

Официант быстро удалился. Володя положил портсигар на стол, открыл крышку, достал папиросу. Долго мямл ее в руках, потупив взгляд, но потом положил на место – не хочется. Кто второй человек, который должен прийти за этот столик? И когда?

На стене висели часы – времени четыре утра, и уже пошел пятый час. Пароход! Нет, дождусь человека, дождусь.

Из дверей, которые сторожил турок, указавший ему на этот стол, вышла девушка. Одета она была в легкое платье.

Узоры интересные – какие-то гербовые цветы, какими раньше украшали свои символы европейские Дома и Ордена. На шее – бусы. На руке – витиеватый браслет, но не драгоценный. В руках – маленькая сумочка.

– Даша, – вырвалось у Володи.

Девушка, улыбаясь, направилась к нему. Шаг у нее легкий, такой знакомый и родной.

– Здравствуй, Володя, – она чмокнула его в щеку, положила сумочку на стол, присела.

Официант моментально подал два меню. На русском языке, но это уже не удивило.

– Где ты пропадала, моя дорогая?

– Как где? Я почти к назначенному времени. И вообще, – она замерла, улыбаясь, – это неэтично. Джентльмену положено ждать, понимаешь?

– Да, прости. Мне просто показалось...

– Что показалось? – Даша перебила.

– Показалось, что я пропал во времени.

– Ой, это у тебя часто. Ты у нас человек творческий, – озорно отмахнулась девушка.

– Нет, нет! Действительно потерялся. И тебя потерял.

– От таких страшно иметь детей, – последовала шутка (или нет). – Давай лучше изучим меню.

Несколько минут висела пауза – лишь шелест страниц.

– Выбрала что-то?

– Еще нет, погоди. Нет, не могу выбрать. Официант!

Быстро подбежал молодой человек.

– Чего-нибудь рыбного на ваше усмотрение. Что самое вкусное и свежее – то и несите.

– Мне тоже, – отрешенно ответил Володя.

– И вина, непременно вина. Белого и сухого.

Официант кивнул и удалился.

– Дорогая?

– Да.

– Я люблю тебя.

Девушка смотрела Володе прямо в глаза и молчала.

– А ты меня?

– Эх, Володенька. Я ничего не делаю просто так. Если я здесь в пять утра, значит, я тоже тебя люблю.

– Сгодится, – ответы соответствовали друг другу.

– Володь, подождешь меня здесь? Я отойду в уборную.

– Нет, не уходи, – Володя резко взял ее за руку.

– Володь, в уборную. Ты чего?

Девушка встала и, виляя бедрами, пошла обратно к выходу. На пороге остановилась, обернулась, чтобы посмотреть на своего молодого человека.

– Какая же у нее красивая улыбка, – прошептал себе под нос Володя.

Даша сделала шаг и исчезла в дверном проеме. Тоска схватила молодого человека за горло костлявыми, как у смерти, пальцами. Что-то потерялось. Зачем она ушла?

Прозвенел звоночек готовности чьего-то заказа. Затем

еще один, но теперь уже громче. И еще громче.

4.

Володя тяжело открыл глаза. Подушка была влажная от пота. Одеяло комком лежало на краю кровати. Он рукой пошарил по белью – здесь он один. Звонит телефон. Яркий свет дисплея ослепил его на мгновение. Номер был не знаком. Время – пять утра. Поднял трубку.

– Алло. Здравствуйте. Владимир? Это «вторая градская».

– Да, здравствуйте. Верно, – хрипло ответил Володя.

– Ваша жена скончалась. Сейчас. Время смерти – четыре часа пятьдесят шесть минут. Вы не могли бы подъехать? Извините.

«В земле Российской Просиявший»

*К столетию гибели
последнего русского патриота
Александра Васильевича Колчака.*

Глава Первая. Красные дни.

*«Передо мной, не в маршальском мундире,
Каким для всех запечатлен на век,
А в чем-нибудь помягче и пошире,
По вечерам один в своей квартире
Такой усталый старый человек...»
А.В. Тимирёва, 1970 год*

1.

Село Александровское, теперь являющееся частью Невского района Санкт-Петербурга, в эти годы ещё не было столицей ни фактически, ни административно, живя своей жизнью. В восемнадцатом веке оно принадлежало генерал-прокурору, доверенному советнику императрицы Екатерины Второй, неподкупному казначею Александру Алек-

сеевичу Вяземскому, благодаря которому и получило своё название. До второй трети девятнадцатого века здесь проходил Шлиссельбургский почтовый тракт. Позже стало применяться название исходя из его направления – Архангелогородский.

После отмены крепостного права тут был основан Обуховский сталелитейный завод, национализированный позднее императором Александром Третьим. Приёмом продукции, основным заказчиком которой выступало государство, практически с самого момента открытия занимался офицер-артиллерист, ветеран Крымской войны Василий Иванович Колчак, потом произведённый в генерал-майоры, и посвятивший развитию предприятия четыре десятка лет своей жизни. Его жена, девятнадцатилетняя Ольга Ильинична, урождённая Посохова, четвёртого ноября одна тысяча восемьсот семьдесят четвертого года родила ему сына, которого было решено наречь Сашей.

Стоял промозглый декабрьский день. Мокрый снег и ветра Финского залива превращали даже небольшой минус в суровую сибирскую зиму. В приходской Троицкой церкви села Александровское собралось много народу. Округлое помещение основного зала заливал тусклый свет лампад, за большими окнами завывала природа, стучала озябшими ветвями по стеклу.

Василий Иванович, облачённый по своей привычке в военную форму, стоял поодаль ближе ко входу рядом со сво-

им братом Александром, морским штабс-капитаном. Здесь же находились и другие родственники, а также коллеги с его стороны. Близких людей жены было немного – только мать и сестра, а также восприемница Дарья Филипповна, вдова коллежского секретаря, державшая в руках крохотную нательную рубашку. Ольга Ильинична с закутанным в ткани маленьким Сашенькой стояла впереди всех, ожидая, когда настоятель будет готов начать. Мальчик время от времени громко всхлипывал, и мама качала его на руках, нащёптывая о том, что любит его, и целуя в лоб.

Из алтаря по амвону спустился батюшка, призывая главных участников таинства. Младенец был бережно передан в руки подошедшей Дарье Филипповне. Ближе к алтарю выдвинулся и Александр Иванович, которому будущая крестница отдала рубашку. Ребёнка поднесли ближе, и тогда протоиерей принялся читать оглашение, трижды крестообразно обдув лицо малыша. Пришло время переходить к обряду отречения от дьявола.

Видя волнение супруги, Василий Иванович склонился к ней:

– Саши справятся, дорогая.

– Может надо было позже? – подняла на него глаза женщина.

– Первородный грех, – последовал короткий тихий ответ.

Крёстные родители сначала синхронно подтвердили за крестника факт его отречения от Сатаны, а затем поочерёдно

по памяти озвучили двенадцать столпов христианской веры, в которые посвящали своего духовного сына. Голоса эхом отражались от округлых стен и терялись где-то под куполом:

– Мы верим в Бога, Творца всего живого и неживого, Неба и Земли...

Всё это время Ольга левой рукой мяла подол правого рукава пальто, радуясь и одновременно переживая. Её и саму крестили очень рано, но не будучи слишком набожной девушкой, достаточно рано испытал счастье материнства, всё равно спокойна не была – вода наверняка холодная.

– Все мёртвые воскреснут во время Второго Пришествия Христа на Землю, и каждому из них будет отведено Богом заслуженное место на Небе – рай или ад, вечные мучения или бесконечная радость и жизнь со Христом.

Что-то звонко упало в дальнем углу, обратив на себя внимание стоящих в последнем ряду.

– Истинно, да будет так! Аминь!

Маленького Сашу трижды окунули в заранее освещённую купель, быстро насухо обтёрли, и Александр Иванович аккуратно облачил его в рубашку и надел нательный крестик.

2.

Тринадцатилетние мальчишки – воспитанники младшей роты Морского кадетского корпуса – ожидали начальство в

небольшом светлом зале жёлтых стен. Корпус, переведённый Павлом Первым из Кронштадта в Санкт-Петербург, располагался на Николаевской набережной Васильевского острова. Старейшее профессиональное учебное заведение империи готовило для службы флотских офицеров – мичманов, которые вот уже много поколений дорастали до самых высоких чинов Российского Императорского флота.

Первым в помещение вошёл старший лейтенант, и мальчики покорно встали. Безупречная осанка, гордость и блеск будущих побед, которых так не хотели их матери, вероятно привели бы в восторг неискущённого наблюдателя. После исполнения всех иерархических традиций лёгким движением руки офицер пригласил из коридора неизвестного. Мальчики радостно насторожились. Через порог перешагнул молодой смуглый парень, лет на пять их постарше и внешне на три порядка серьёзнее. Хорошо поставленный шаг и идеальная выправка выдавали в нём человека значительной воли.

– Знакомьтесь, друзья. Это ваш новый наставник, фельдфебель – Александр Васильевич Колчак. Лучший на курсе по наукам и по поведению, сознательно выбравший морское дело после двух лет обучения в классической гимназии. В каком-то смысле наша гордость. Нам в своё время, дорогие мои, очень не хватало такого человека. Вам же повезло больше.

Офицер и унтер-офицер стояли плечом к плечу, сияя теснением на форме и погонах. Саша был на голову ниже. Бо-

лее того, среди кадетов были мальчишки почти одного с ним роста, несмотря на существенную разницу в возрасте, которая в этот жизненный период чувствуется во всех отношениях очень остро. Лёгкие восточные черты лица, крупный нос и массивный лоб, хищный взгляд, создававшие грозное впечатление, резко контрастировали с его доброй улыбкой. Он взглядом измерял каждого из своих подопечных, несколько раз останавливаясь на худощавом высоком пареньке. Офицер, представляя каждого из кадетов по именам, назвал его Михаилом Смирновым.

3.

Острое чувство ответственности за поступки, совершённые другим, но вовремя непредотвращённые тобой, достаточно редкое. Люди вменяют свою невиновность вине другого индивида, сознательного и здравомыслящего, а мыслящего не здраво и вовсе, как повелось – не жалко.

После успешного выпуска из Морского корпуса и нескольких лет службы на Балтике, где мичман Александр Колчак набирался практического опыта, после плаваний на дальний Восток и попыток участия в полярных экспедициях, команды которых каждый раз оказывались полностью укомплектованными, удача улыбнулась молодому офицеру, грезившему научными исследованиями и сделавшему на этом поприще

первые теоретические шаги. Теоретические, но не практические. В последний год девятнадцатого столетия теперь уже лейтенант Колчак был приглашён бароном Эдуардом Васильевичем Толлем поучаствовать в качестве гидрографа в поиске легендарной земли Санникова, доказательств вымышленности которой на тот момент ещё обнаружено не было.

Вся экспедиция заняла два с половиной года, но из района Новосибирских островов вернулась не только не достигнув основной цели, но и без своего руководителя. Толль, отчаявшись найти землю Санникова, отправился в составе малой группы исследовать остров Беннета, но так и не вернулся.

Александр Колчак по возвращении в столицу настоял на организации не менее опасного предприятия, чем предприятие самого Толля, по поиску последнего. Судьба знаменитого исследователя волновала и Императорское Русское географическое общество, а потому организовать его удалось в кратчайшие сроки. Оно стоило для Софьи Омировой, невесты Колчака, с которой они познакомились на балу в Морском собрании тремя годами ранее, ещё полутора лет ожидания их свадьбы.

В феврале одна тысяча девятьсот третьего года лейтенант Колчак отправился в Иркутск, а оттуда – в Якутск, где и собрались все члены группы, с которой ему предстоял нелёгкий путь за Полярный круг. По реке Алдан они добрались до Верхоянска, а оттуда, перейдя два хребта, вышли к побережью Северного Ледовитого океана в районе селения Ка-

зачьего. Было уже начало мая, когда на шлюпках лейтенант с товарищами взяли курс на Новосибирские острова. Шли то под парусами, то на вёслах. Исследование заняло ещё три месяца, пока в начале августа Александр наконец не ступил на южный песчаный берег острова Беннета, оказавшегося на удачу свободным от ледяных торосов.

В августе земли в этих широтах уже стаивали, но на некоторых участках ледяные шапки всё же оставались. Все действия были доведены до автоматизма, и, несмотря на накопившуюся усталость, решили двигаться от берега незамедлительно.

Островок, названный в честь спонсора открывшей его экспедиции американца Джозефа Де-Лонга, в архипелаг имени которого он входит, Джеймса Гордона Беннета, очень небольшой – не более двадцати километров в ширину.

Сперва решили идти вдоль берега запад – к мысу Эммы. Всего порядка семи вёрст. В этих условиях было совсем не до субординации:

– Александр Васильевич, можно поинтересоваться? – спросил молодой коренастый мужчина в чёрном анорাকে, одногодок Колчака, постоянно ходивший за ним следом.

– Вам, Никифор Алексеевич, можно. Вы же боцман, – лейтенант хищно улыбнулся, приспуская капор.

– Если мы всё же ничего здесь не обнаружим, какие будут предположения?

– Полагаю, что они ушли в сторону материка по льду. Вер-

нее, попытались. Я точно не могу сказать, сколько у них было пищи.

– А вы бы так сделали, Александр Васильевич? – вмешался в разговор матрос Ваня Иньков.

– Рано судить. Поскольку мы с Толлем условились, что мыс Эммы – одна из реперных точек нашего предприятия, там они и должны были оставить знак о себе.

– Но на месте их лагеря на юге ничего нет.

– Таких договоренностей не было.

Жёсткая борода Колчака, казалось, совершенно не дрожала на сильном ветру. Тяжелыми шагами он отмерял эту тундру, не переставая удивляться её величию. Эта земля не прощает даже малейших ошибок. Но известно ли ему самому, не совершил ли такую он сам?

На скалистом северо-западном берегу острова действительно оказались следы ещё одной стоянки, а среди камней и бутылка с запиской, ожидавшая больше года своих адресатов.

Колчак стоял лицом к воде, внимательно её изучая. Иньков заглянул ему через плечо. Лейтенант вопрос опередил:

– Готовились к зимовке. Значит, должны были заготовить мясо. Но успели ли до ухода оленей?

– Так может и медведя свалили, а? Гляньте, тут и карта имеется.

– Это не так просто.

Общим собранием было решено продолжить движение к

юго-восточной оконечности острова в противоположном направлении. Дорога оказалась осилена лишь к ночи. Здесь обнаружилась ещё одна записка, сохранённая аналогичным способом.

– Двадцать шестое октября, – зачитывал её другим членам миссии Колчак. – Президенту Императорской академии наук...

Далее шли объёмные научные заключения и заметки. В конце приписано, что запасов провизии группа из четырёх человек имеет максимум на три недели. Уходят на материк. Александр Васильевич никак не мог понять, почему был отвергнут вариант зимовки на острове.

– Я, конечно, лично с Толлем знаком не был, – предположил Бегичев, – но по моему мнению, он слишком рассчитывал на то, что вы вернётесь, и занимался своей непосредственной работой, а когда осознал, что надежда напрасна, было уже поздно – животные ушли, охотиться не на кого, еда и топливо для добывания пресной воды кончаются. Напомните, почему ваша «Заря» не пришла?

– Лёд, – сухо и с горечью в голосе ответил Колчак.

Пока другие члены группы разбирали оставленные здесь бароном инструменты, ход тяжёлых мыслей офицера нарушил голос Инькова:

– Кажись, у этого мыса ещё нет имени?

– А нужно? – пробормотал Александр Васильевич.

– Ну как? У всего должно быть имя.

– Пускай будет мыс Софьи, – отмахнулся Колчак.

– Вашей Софьи-то?

– Пускай будет моей.

На карте оставалась помеченной так называемая поварня – летнее убежище, нежилая изба, наспех сооружаемая как временное место пребывания. Ситуация вынуждала идти на север. После ночёвки Колчак решил, что возьмёт с собой только двоих – Бегичева и Инькова, а остальных оставит здесь, на вновь наречённом месте. Впереди лишь два ледника, но перейти их проще, чем огибать с запада.

Первый ледник миновали очень легко. Заснеженная шапка оказалась ровной, без протаявших лощин. После обеда погода ухудшилась, задул сильнейший ветер, который поднимал с земли тяжёлую пыль, завывал в складках капора и между камней. Небо чернело.

Следующий ледник был выше и круче, вынуждая выискивать уступы. Бегичев чуть не сорвался и не покатился по скользкому склону. Более юркий Иньков быстро его подхватил. Вершина на первый взгляд путникам показалась абсолютно ровной – лёгкие три версты до поварни, но буквально через несколько минут они упёрлись в берег арктического ручья, который природа основательно упрятала между глыбами. Ручей оказался очень длинным, и Иньков предложил прыгать:

– А чего? Противоположный берег-то видите – ниже? Всего пара метров. Да и тот край над ручьём совсем низко,

гляньте!

Он же первым и вызвался подать пример. Юность позволила исполнить прыжок максимально ловко. Колчак и Бегичев были ниже его ростом и на порядок старше – им шёл двадцать девятый и тридцатый год. Александр Васильевич пропустил своего коллегу вперёд, и даже на секунду успел пожалеть о том, что поддался на легкомысленное предложение этого юнца – Бегичев чудом угодил на самый край, едва удержав равновесие. Иньков подстраховал его и в этот раз.

Настала очередь Колчака. Отойдя чуть подальше, чтобы взять разгон, он рывком кинулся вперёд, но на последнем шаге перед расщелиной поскользнулся, правая нога ушла чуть назад. Прыжок оказался коротким. Лейтенант, ударившись об лёд, ухватился руками за острый край левого берега, но буквально через секунду, ещё до того, как Бегичев успел его схватить, сорвался вниз в ледяную воду.

Тысячи кинжалов моментально вонзились в тело, дышать стало нечем. Ещё через мгновение он полностью скрылся в потоке. Течение медленно, но верно, понесло его на восток. Через десяток секунд, в ярде от места падения, где берег был уже чуть ниже и имелся небольшой уступочек, анорак Колчака показался на поверхность. Бегичев в то же мгновение кинулся, коротким прыжком спустился ближе к воде и ухватился за неё. Иньков же схватился за спасителя, и совместными усилиями им удалось вытащить офицера из воды.

К тому моменту Колчак потерял сознание. Бегичев в ми-

нута переодел его в своё сменное бельё, понимая всю опасность холодных компрессов в такую погоду, но Александр Васильевич в себя не приходил. Только раскуренная трубка, поднесённая к губам, оживила его.

– Ну и испугали вы нас, Александр Васильевич, – истерически улыбнувшись, съязвил Иньков.

– Может быть, вам с Ванькой обратно вернуться? А я сам как-нибудь? А, Александр Васильевич? – взмолился Бегищев.

– Исключено, – хрипел Колчак. – Тут пара вёрст, а тебе ещё одному возвращаться потом. Нет, дойдём все.

– Запаслись вы ревматизмом на старости лет, – качал головой боцман.

Поварня располагалась у северо-восточного мыса острова, за большой отвесной скалой, прямо в устье небольшой безымянной речки. Скалу пришлось обходить. Шли медленнее, насколько позволяло состояние Колчака. Суставы болели, каждый шаг был неприятен, плечи пробирали дрожь.

Поварня представляла собой собранную из плавника низкую избушку, немного наклонённую к западу. Едва приоткрыв дверцу, Колчак отшатнулся назад, в ужас выдавив из себя лишь одну фразу:

– Они умерли.

4.

Бездушная вереница экспресса «Париж – Владивосток» стучала колёсами по перетруженным рельсам Великого Сибирского пути, покрывавшего расстояние от Москвы до Владивостока, и на этом расстоянии прерывавшегося лишь единожды – в районе Иркутска, в который спешили Василий Иванович Колчак, заметно постаревший, поправившийся, с большой залысиной, и Софья Омирова. Спешили на венчание, которое должно было состояться в начале марта одна тысяча девятьсот четвертого года в Харлампиевской церкви столицы Восточной Сибири. Софья Федоровна была одновременно и рада, и расстроена обстоятельствам предстоящего праздника. Из Якутска, куда Александр Васильевич прибыл в самом конце января, он писал ей, что вынужден просить у начальства возможности откомандировать его в Порт-Артур, оказавшийся в центре событий Русско-Японской войны. Для молодого офицера это была возможность продвинуться по службе, прославиться, получить бесценный опыт. Колчак преследовал немного иные цели, рассматривая любой военный конфликт России как праведный, и прежде всего желая отстоять честь Родины. Позднее он написал о том, что его ходатайство удовлетворено, а потому, дабы не откладывать свадьбу ещё раз, настоял на том, чтобы провести церемонию в Иркутске, откуда ему предстояло отпра-

виться на Дальний Восток, и куда теперь спешил и сам.

Якутск в эти годы был совершенно небольшим низким городком, и страшно представить, что являлся главенствующим на такой колоссальной территории. Более того, он имел даже определённый столичный лоск, насколько это позволительно полностью отрезанному в теплое время года от мира населённому пункту. Здесь работал телеграф – непозволительная роскошь, которой Камчатка добивалась ещё долго. Между Иркутском и Якутском две тысячи километров пути на лошадях, местами по Сибирскому тракту, местами просто по протоптанным вдоль притоков реки Лены направлениям. Летом преодолеть эти расстояния практически невозможно, поэтому разумные путники ждали наста.

Колчаку ждать не пришлось – стоял февраль, самый холодный в этих краях месяц. Ночевали на санях под шерстяными накидками, движение начинали на заре. Сейчас сложно представить, что такой сравнительно небольшой путь мог стоить целого месяца человеческой жизни. Впрочем, здесь не особенно ценной.

Иркутск показался на горизонте утром двадцать седьмого февраля. Величественная Ангара, в одиночку компенсировавшая весь годовой приток древнего озера, дышала огромными чёрными полыньями. Здесь было и обилие каменных домов, и мощённых улиц, и стабильная связь с остальными городами державы. Предстояло сдать все дела и устроить своих путников. Венчание Колчак назначил на пятое марта,

со дня на день ожидая прибытия своей невесты, темноволодой статной аристократки.

Харлампиевская морская церковь была хорошо знакома Колчаку – тут его благословляли на предприятие, из которого он имел счастье вернуться живым и почти невредимым. Беспокоили мысли о том, что так и не удалось отыскать никого из миссии барона Толля – то, что в поварне он принял за замёрзшие тела, оказалось лишь обледеневшими инструментами и полушубками.

5.

Город Дальний уже не прельщал роскошью своих теннисных кортов, а Порт-Артур вокруг ошетинился тяжёлыми артиллерийскими батареями. Если у России всего два союзника – армия и флот, то столько же и врагов – безалаберность и лень. Ещё в начале войны выяснилось, что снаряды для новейших пушек, нацеленных сейчас в Восточно-Китайское море, лежали на складах Владивостока, вместо тех, нужных самой городской крепости, уехавших по КВЖД – Китайско-Восточной железной дороге – на юг. Командование покорно дождалось, пока японцы перекроют все доступные пути для сообщения Порт-Артура и Дальнего с Россией, так и не исправив этой ошибки.

Александр Васильевич вышагнул на перрон города-кре-

пости восемнадцатого марта одна тысяча девятьсот четвертого года. Первое же, что он сделал – это встретился со Степаном Осиповичем Макаровым, адмиралом и знаменитым полярником, к которому не раз набивался в попутчики в его арктических странствиях, и доподлинно считал своим учителем, сейчас являвшимся главкомом Тихоокеанской эскадры, ушедшей сюда из Владивостока. Офицеров познакомил Кронштадт, а теперь они стояли здесь, возле его рабочего стола, за десяток тысяч вёрст от Финского залива.

– Александр Васильевич, ну поймите же вы, голубчик. Это никак невозможно.

– Степан Осипович, и вы меня поймите, пожалуйста, тоже. Штабная работа меня утомляет. Я и не за тем сюда приехал. Поверьте, в Петербурге сейчас намного комфортнее.

Адмирал, поглаживая седую длинную бороду, всматривался в ровные ряды миноносцев и крейсеров, настороженно спавших в незамерзающей гавани.

– Знаете, Александр Васильевич, давайте пойдём на компромисс. Я с уверенностью могу сказать, что на крейсере "Аскольд", полагаю, хорошо вам известно, – лейтенант кивнул в ответ, – вакантно место вахтенного начальника. Да будет на то воля господ, и вам представится случай послужить Родине в удобном вам свете. Хорошо, Александр Васильевич?

– Честь имею.

Компромисс действительно оказался компромиссом, и

уже через неделю простаивание крейсера начало вызывать трепет негодования в душе Колчака. Однако, как это часто бывает, всё изменил несчастный случай. Тридцать первого марта головной броненосец "Петропавловск" не вернулся из рейда по спасению русских миноносцев, подорвавшись на японской глубоководной mine и унеся с собой на дно шесть с половиной сотен матросов и офицеров, включая самого Степана Осиповича и известного художника-баталиста Василия Верещагина, когда-то прославившегося полотном "Апофеоз войны".

В середине апреля Колчак, пользуясь междуцарствием на флоте, добился его перевода на минный заградитель "Амур". Через четыре дня последовало переназначение командиром на эсминец "Сердитый", невероятно его огорчившее. К этому моменту Порт-Артур оказался полностью заблокирован с моря как превосходящим по численности японским флотом, построенным на лучших британских верфях, так и плотными рядами минных банок, траление которых и оставалось единственным нескучным занятием для молодого офицера.

Александр Васильевич часто сидел в своей каюте, монотонно выстукивая из папирос табачную крошку, долго вглядываясь в горящую спичку, которую при раскуривании он имел обыкновение держать строго вертикально. Мучила боль в коленях и сухой периодический кашель – Бегичев оказался прав.

Был уже конец лета, когда очередной рутинный выход на

внешний рейд гавани чуть не закончился трагедией.

– Александр Васильевич, разрешите? Три миноносца по курсу, – не дожидаясь позволения, выпалил вахтенный офицер.

Колчак взял у него из рук бинокль, всмотрелся в даль. В сумерках на горизонте удалось отчётливо разглядеть три "дыма".

– А ведь такое место хорошее, – процедил он и постучал по обшивке рубки. – Ребята, сегодня разворачиваемся, и поживее. Трое на одного не то, чтобы не честно, а просто смертельно. Живее. Клади налево.

Началась погоня, спустя час которой "Сердитому" всё же удалось уйти.

– Плохо старались, – заметил мичман Плазовский.

Следующей ночью Колчак вернул свой эсминец на прежнее место. Стояла полная Луна, чей свет мягко отражался на погашенной ходовой оптике, и поразительная тишина, нарушаемая лишь шуршанием гребных винтов. Колчак постучал папиросой о бортик, вспыхнул огонёк и тут же потух.

– Двадцать морских с половиной, – донеслось из рубки.

– Полный назад до полной остановки, – спокойно скомандовал офицер.

Докурив и дождавшись полного «стопа» эсминца, Колчак вернулся на мостик, чтобы сверить координаты.

– Никого на этот раз не видно?

– Так точно.

– Никто не должен знать, что мы здесь делаем. И оптику не зажигать. Можете тихонько двигаться, ребята.

Зазвенел пульт внутреннего телеграфа, эсминец спокойно тронулся. Все знали своё дело. Рулевой заставил корабль выписывать управляемую циркуляцию, матросы на корме выкатывали из погребов мины. Большие шары с мелкими шипами, делающими их подобными морским ежам, и совершенно чёрные во мраке ночи, громко перекатывались по палубе. Один за одним, то справа, то слева, с разницей в полминуты между каждым, последовали шестнадцать тяжёлых всплесков, сопровождаемых гулом выдавливаемой минами воды.

Наступал последний день осени. Вода в море была ледяной, несмотря на широты. Гребные валы с трудом проталкивали огромное тело бронепалубного крейсера Японского Императорского флота "Такасаго". Японцы, будучи мастерами поэзии, всегда давали своим кораблям названия живописных местностей или героев народного фольклора. Кавторанг Исибаси Хадзимэ привычно занимал положенное ему место на мостике. Казалось, он был там всегда, и совсем не спал. Ночь над Восточно-Китайским морем сгущалась, капли быстро стучали по внешней стальной обшивке.

– Когда это угольное небо перестанет плакать? – недоумевал капитан.

Видимость была скверной, но боцман напомнил ему, что

до тех пор, пока что-то можно разглядеть, погоду должно считать приличной:

– Это ещё не дождь. Вы когда-нибудь бывали в море, которое русские называют Охотским? Особенно на севере?

– Не довелось, – тихо буркнул Хадзимэ.

– Капитан, Ваше Превосходительство, до рейда двадцать одна морская миля, – отчитался рулевой.

– Ещё пару миль вперёд и берите правее.

– Будет исполнено, – последовал жест согласия.

Кавторанг вышел из рулевой рубки, чтобы дать отдохнуть глазам. Сколько себя помнил, он не любил дождь, но боготворил его мать – само море. Пол тихо скрипел под туфлями. Его крейсер, десяток лет тому назад построенный на верфях Армстронга в Ньюкасле, уже начинал стареть и морально, и физически. Большинство других судов были значительно моложе, и построены они с одной целью – сокрушить Тихоокеанскую эскадру Российской империи.

Что-то резко толкнуло судно под левый борт ближе к носу. Последовал оглушительный взрыв и объемный гул фонтанирующей воды. Сначала, чуть наклонившись вправо, корабль быстро осел на ту сторону, где рванула русская глубоководная «банка». Капитан удержал равновесие, кинулся на мостик.

– Закрыть переборки, – кричал он. – Включить помпы в четвертом и третьем отсеках. Всем нашим – терпим бедствие.

Буквально через несколько минут стало понятно, что помпы не справляются – вода поступала намного быстрее. Крен на левый борт был уже очевиден. Тогда Хадзимэ отдал команду на открытие кингстонов по правому борту, чтобы не допустить опрокидывание крейсера и дать людям время спустить шлюпки.

6.

Русско-японская война закончилась для Александра Васильевича пленом. В числе прочих раненных, размещённых в городском военном госпитале, куда Колчак попал за сутки до сдачи Порт-Артура, он был перевезён в Нагасаки. Последние недели он руководил одной из артиллерийских батарей крепости – плавать не позволяли обострившийся ревматизм и перенесённая пневмония. Когда японцы предложили русским офицерам выбрать между лечением на Родине, и лечением в стране божественного Микадо, абсолютно все выбрали первое.

В начале июня одна тысяча девятьсот пятого года, за два с половиной месяца до подписания Портсмутского мирного договора, подводившего итог противостояния двух империй, Александр Васильевич вновь ступил на русскую землю. В Петербурге его ждала любящая супруга, которой он не забывал писать даже из Японии. Именно из писем он узнал и о

рождении его первой дочери Танечки, и о её ранней смерти. Колчак тяжело переживал Цусимскую катастрофу, лишившую Россию целой эскадры под руководством адмирала Рожественского. Лейтенанту же пока предстоял огромный научный анализ проделанной в полярных экспедициях работы – последующие несколько лет статьи и монографии выходили одна за другой.

После отмены морского ценза, согласно которому каждый офицер в своём звании был обязан прослужить непосредственно "на воде" определённый срок, Александр Васильевич наконец получил свой первый капитанский чин, однако в море пока не возвращался. Особый интерес у новоиспечённого капитана вызывал разбор причин поражения в Цусимском сражении, и в целом в войне. В голове не укладывалось, что такое вообще возможно.

Тем временем, неизбежность новой большой войны стала уже очевидна – столкновение колониальных интересов ведущих мировых держав зашло слишком далеко, а флот России находился в очень плачевном состоянии и был к ней совершенно не готов. В декабре одна тысяча девятьсот седьмого года Колчак приглашён в комиссию по разработке новой программы развития флота при Третьей Государственной Думе Российской империи, начавшей свою работу месяцем ранее, лично морским министром Иваном Михайловичем Диковым. От него же поступило предложение выступить с соответствующим докладом перед депутатами:

– Никто лучше вас не справится, Александр Васильевич. У вас и "кружок" соответствующий имеется, и боевой опыт, и наука, как никак.

– Честь имею.

Колчаку было всё равно на весь политический плюрализм – его интересовали вещи прикладного характера, а Госдума им воспринималась как инструмент для реализации этих вещей.

Подниматься на трибуну перед сотнями уважаемых и заслуженных людей оказалось непросто. Вспоминался день, когда его впервые представили совсем молодым курсантам Морского корпуса, поражённым его выдержкой и глубоким грудным голосом.

– Как многие из вас знают, – начал своё выступление Александр Васильевич, – все великие державы, такие как Англия, Германия, Франция, имеют на вооружении целый ряд линкоров. Недавно же спущенный на воду британский "Дредноут" и вовсе положил начало новому классу крупных военных судов, что даёт английской короне неоспоримое преимущество. Считаю правильным и России поставить на вооружение такие боевые единицы. Замечу, что никакие разрозненные силы флота не способны им противостоять, а потому ими целесообразно поступиться.

Среди слушавших выступление Колчака был и знаменитый "октябрист" Александр Иванович Гучков, лично с ним знакомый и глубоко его уважавший.

– Оборонительную стратегию нашего флота призываю считать ошибочной. Морской десант может быть высажен в любой точке побережья, для прочной обороны которого на всём его протяжении ресурсов мы не имеем.

7.

Александр Васильевич никогда не забывал о море. Работа на суше оказалась уникальным, но лишь временным явлением в его жизни. Его видение образа будущего флота в этот период оказалось невостребованным вышестоящими офицерами, зато оказался востребованным его опыт арктических экспедиций. Главное гидрографическое управление Российской империи не первый год лелеяло мечту об открытии Северного морского пути, полное прохождение которого в одну навигацию раньше было невозможным – лишь несколько месяцев в году Северный Ледовитый океан был свободен от ледяных торосов. И если создание арктических баз, где суда могли бункероваться на всём маршруте от Мурманска и до Камчатки, было делом наживным, то со скоростью сделать что-либо было решительно нельзя. Всё изменили эксперименты Степана Осиповича Макарова и его первый в мире ледокол "Ермак". Дело теперь оставалось за малым – уточнить очертания северной части Евразии и создать сеть арктических станций или, по крайней мере, наметить их

для дальнейшего развёртывания. С этой целью формировалось несколько судовых отрядов, и Александру Васильевичу достался дальневосточный участок Северного Морского пути, хорошо ему известный – Восточно-Сибирское и Чукотское моря.

Колчаку пришлось оставить беременную жену в их квартире в Петербурге, а самому отправиться с семьёю другими морскими офицерами и десятками матросов на двух судах – "Вайгач" и "Таймыр" – во Владивосток. Путь в обход Европы через Красное море и Индийский океан занял семь месяцев и семь дней. Холод Северного моря и нестерпимая жара Аде-на – особая романтика традиционных для России плаваний из столицы империи в столицу своих тихоокеанских владений. Третьего июня одна тысяча девятьсот десятого года, в третью годовщину установления в России конституционной монархии нового типа, оба судна пришвартовались в бухте "Золотой рог". Только здесь Колчак получил известие о том, что у него родился сын, которого по давней договорённости Софья нарекла Ростиславом:

– Сколько бессонных ночей я провёл в каюте, расхаживая от одной стены к другой. Моя бесконечно дорогая Софа, поздравляю тебя с рождением нашего первого сына.

Всё лето суда "мариновались" в туманах Японского моря, и лишь семнадцатого августа было получено указание начинать движение к Берингову проливу. Александр Васильевич относился к этой миссии с огромным энтузиазмом, чем

невольно заражал и других.

Спустя десять дней, пройдя "холодильник" Охотского моря, которое не ласкало даже летом, суда бросили якоря в Авачинской бухте напротив Петропавловска-Камчатского. Вид на "домашние" вулканы завораживал. Сама же Авачинская бухта, что уже было доказано, являлась самой большой в мире.

– Как думаете, Александр Васильевич, здесь можно поместить весь флот всех держав? – интересовался подвахтенный.

– И даже спустя сотню лет.

Пополнив бункеры сахалинским углём, ледоколы двинулись дальше. Всю первую половину сентября Колчак следил за выполнением плана исследований побережья и мелких островов у северного побережья Чукотки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.